

81 769

ЕВГЕНІЙ
ОНЪГИНЪ.

ГЛАВА VI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1828.

К 1916 С 17617

ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ.

У 1913 С П 6 Г 7

81769

ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ,

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1828.

1886/

Переизд.
1950

Дек. Гос. Ун-т
Научная
Библиотека им.
Горького

La sotto giorni nubilosi e brevi
Nasce una gente a cui l'morir non dole.

P E T R .

ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

I.

Замѣшивъ, что Владиміръ скрылся,
Онъгинъ, скукой вновь гонимъ,
Близъ Ольги въ думу погрузился,
Довольный мщеніемъ своимъ.
За нимъ и Олинъка зѣвала,
Глазами Ленскаго искала,
И безконечный кошильонъ
Ее шомилъ, какъ тяжкій сонъ.

Но конченъ онъ. Идушь за ужинъ.
Поспели спелюшь; для гостей
Ночлеги ошводяшь ошь сьней
До самой дьвичьи. Всѣмъ нуженъ
Покойный сонъ. Онѣгинь мой
Одинъ уѣхаль спать домой.

II.

Все успокоилось: въ гостинной
Храпиль тяжелый Пусьяковъ
Сь своей тяжелой половиной.
Гвоздинъ, Буяновъ, Пьшущковъ
И Фляновъ, не совсемъ здоровой,
На спульяхъ улеглись въ споловой,
А на полу мосье Трике,
Въ фуфайкѣ, въ шаромъ колпакѣ.
Дьвицы въ комнахахъ Ташьяны
И Ольги всѣ обяпы сномъ.

Одна, печально подь окномъ
 Озарена лучемъ Діаны,
 Ташьяна бѣдная не спить
 И въ поле шемное глядишь.

III.

Его нежданымъ появленьемъ,
 Мгновенной нѣжностью очей
 И спраннымъ съ Ольгой поведеньемъ
 До глубины души своей
 Она проникнута; не можешь
 Никакъ понять его; превожить
 Ее ревнивая тоска,
 Какъ будшо хладная рука
 Ей сердце жмешь, какъ будшо бездна
 Подь ней чернѣешь и шумишь...
 « Погибну, Таня говоришь,
 Но гибель опть него любезна.

Я не ропщу: зачѣмъ ропшашь?

Не можешъ онъ мнѣ счастья дать.

IV.

Впередь, впередь, моя испорья!

Лицо насъ новое зовешь.

Въ пяши верспахъ ошъ Красногорья,

Деревни Ленскаго, живешь

И здравшвуешь еще донынѣ

Въ философической пусшынѣ

Зарѣцкѣй, нѣкогда буянѣ,

Каршежной шайки ашаманѣ,

Глава повѣсь, шрибунѣ шракширный,

Теперь же добрый и простой

Ошець семейсшва холосшой,

Надежный другѣ, помѣщикѣ мирный

И даже чеспный человекѣ:

Такъ исправляешся нашъ вѣкъ!

V.

Бывало, льспивый голосъ свѣша
 Въ немъ злую храбросшь выхваляль:
 Онъ, правда, въ шузь изъ пистолеша
 Въ пѣши саженьяхъ попадалъ,
 И шо сказашь, чшо и въ сраженьи
 Разъ въ наспоющемъ упоеньи
 Онъ опличился, смѣло въ грязь
 Съ коня Калмыцкаго сваясь,
 Какъ зюзя, пьяный, и Французамъ
 Доспался въ плѣнь: драгой залогъ!
 Новѣйшій Регуль, чеспи богъ,
 Гошовый вновь предашься узамъ,
 Чшобъ каждымъ ушромъ у Верн
 Въ долгъ осушашъ бушылки шри.

VI.

Бывало, онъ шрунилъ забавно,
 Умѣль морочить дурака

И умнаго дурачишь славно,
Иль явно, иль изподнишка,
Хошь и ему инья шшуки
Не проходили безъ науки,
Хошь иногда и самъ въ просакъ
Онъ понадался, какъ просакъ.
Умѣль онъ весело поспоришь,
Оспро и шупо отвѣчашь,
Порой расчешливо смолчашь,
Порой расчешливо повздоришь,
Друзей поссоришь молодыхъ
И на барьеръ посшавишь ихъ,

VII.

Иль помиришь ихъ засшавишь,
Дабы позавшпракашь впроемъ,
И послѣ шайно обезславишь
Веселой шупкою, враньемъ.

Sed alltri tempora! Удалось
 (Какъ сонъ любви, другая шалость)
 Проходишь съ юностью живой.
 Какъ я сказала, Зарѣцкій мой,
 Подъ сѣнь черемухъ и акацій
 Опъ бурь укрывшись наконецъ,
 Живешь, какъ испинный мудрецъ,
 Капусту садишь, какъ Горацій,
 Разводишь утокъ и гусей
 И учишь азбукъ дѣтей.

VIII.

Онъ былъ не глупъ; и мой Евгеній,
 Не уважая сердца въ немъ,
 Любилъ и духъ его сужденій,
 И здравый полкъ о шомъ, о семь,
 Онъ съ удовольствіемъ, бывало,
 Видался съ нимъ, и шакъ нимало

Поутру не былъ удивлёнъ,
 Когда его увидѣлъ онъ.
 Топъ послѣ перваго привѣща,
 Прервавъ начашый разговоръ,
 Онѣгину, пошупя взоръ,
 Вручилъ записку отъ поэта.
 Къ окну Онѣгинъ подошелъ,
 И про себя ее прочелъ.

IX.

То былъ пріятный, благородный,
 Короткій вызовъ иль *картель*:
 Учпиво, съ ясностью холодной
 Звалъ друга Ленскій на дуэль.
 Онѣгинъ съ перваго движенья,
 Къ послу шакаго порученья
 Оборотясь, безъ лишнихъ словъ
 Сказаль, что онъ *всегда готовъ*.

Зарѣцкій вспаль безъ объясненій;
 Оспашься долъ не хошълъ,
 Имѣя дома много дѣлъ,
 И пошчасъ вышелъ; но Евгений
 Наединѣ съ своей душой
 Былъ недоволенъ самъ собой.

Х.

И подѣломъ: въ разборъ спрогомъ,
 На шайный судъ себя призвавъ,
 Онъ обвинялъ себя во многомъ:
 Вопервыхъ, онъ ужъ былъ неправъ,
 Чшо надъ любовью робкой, нѣжной
 Такъ подшушилъ вечеръ небрежно.
 А во вшорыхъ: пускай поэшь
 Дурачншя; въ осмьнадцашъ лѣтъ
 Оно проспипельно. Евгений,
 Всѣмъ сердцемъ юношу любя,

Быль долженъ оказашь себя
 Не мячикомъ предразсужденийъ,
 Не пылкимъ мальчикомъ, бойцомъ,
 Но мужемъ съ чesпью и съ умомъ.

XI.

Онъ могъ бы чувства обнаружить,
 А не щепинишься, какъ звѣрь;
 Онъ долженъ былъ обезоружить
 Младое сердце. « Но теперь
 Ужъ поздно; время улетѣло...
 Къ тому жъ, онъ мыслишь, въ это дѣло
 Вмѣшался старый дуэлишь;
 Онъ золь, онъ сплешникъ, онъ рѣчишь...
 Конечно: бышь должно презрѣне
 Цѣной его забавныхъ словъ,
 Но шопощь, хохощня глупцовъ... »
 И вопшь общественное мнѣнье!

Пружина чесши, нашъ кумирь!
И вошь, на чемъ вершился мѣрь!

XII.

Кипя враждой неперпѣливой,
Ошвѣша дома ждешъ поэшъ;
И вошь сосѣдь велерѣчивой
Привезъ шоржешвенно ошвѣшъ.
Теперь ревнивцу шо-шо праздникъ!
Онъ все боялся, чшобъ проказникъ
Не ошшущился какъ нибудь,
Уловку выдумавъ и грудь
Ошворошивъ ошъ писшолепя.
Теперь сомнѣнья рѣшены:
Они на мѣльницу должны
Прѣхашъ завтра до разсвѣша,
Взвеси другъ на друга куроць
И мѣшишь въ ляжку иль въ високъ.

19881

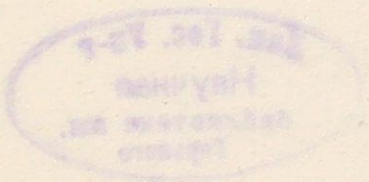
XIII.

Рѣшась кокетку ненавидѣшь,
 Кипящій Ленскій не хошѣль
 Предъ поединкомъ Ольгу видѣшь,
 На солнце, на часы смопрѣль,
 Махнулъ рукою напоследокъ —
 И очутился у сосѣдокъ.
 Онъ думалъ Олинку смушишь,
 Своимъ прїездомъ поразить;
 Не шумъ-шю было: какъ и прежде,
 Навстрѣчу бѣднаго пѣвца
 Прыгнула Олинка съ крыльца,
 Подобна въпренной надеждѣ,
 Рѣзва, безпечна, весела,
 Ну шочно ша же, какъ была.

XIV.

Зачѣмъ вечеръ шакъ рано скрылись?
 Быль первый Олинкинъ вопросъ.

1881

Всѣ чувства въ Ленскомъ помушились,
И молча онъ повѣсилъ носъ.
Исчезла ревность и досада
Предъ эпой ясностию взгляда,
Предъ эпой нѣжной простотой,
Предъ эпой рѣзвою душой!...
Онъ смотришь въ сладкомъ умилень;
Онъ видишь: онъ еще любимъ;
Ужъ онъ, раскаянемъ помимъ,
Госновъ просишь у ней прощенье,
Трепещешь, не находишь словъ,
Онъ счасливъ, онъ почти здоровъ...

XV. XVI.

XVII.

И вновь задумчивый, унылый
 Предъ милой Ольгою своей,
 Владимірь не имѣешь силы
 Вчерашній день напомнишь ей;
 Онъ мыслишь: «буду ей спасишель.
 « Не пошерплю, чшобъ разврашишель
 « Огнемъ и вздохомъ и похвалъ
 « Младое сердце искушалъ,
 « Чшобъ червь презрѣнный, ядовишый
 « Точиль лилей шебелѣкъ,
 « Чшобы двухушрениій цвѣшокъ
 « Увяль еще полуразкрышый.»
 Все это значило, друзья:
 Съ Онѣгинымъ спрѣляюсь я.

XVIII.

Когда бь онъ зналь, какая рана
 Моей Ташьяны сердце жгла!

Когда бы вѣдала Ташьяна,
Когда бы знашь она могла,
Чшо завпра Ленскій и Евгеній
Заспоряшь о могильной сѣни;
Ахъ, можешъ бышь, ея любовь
Друзей соединила бь вновь!
Но эшой спраспи и случайно
Еще никшо не открываль.
Онѣгинъ обо всемъ молчалъ;
Ташьяна изнывала шайно;
Одна бы няня знашь могла,
Да недогадлива была.

XIX.

Весь вечеръ Ленскій бымъ разсѣянъ,
То молчаливъ, шо весель вновь;
Но шопъ, кшо музою взлелѣянъ,
Всегда шаковъ: нахмурия бровь,

Садился онъ за клавикорды,
 И бралъ на нихъ одни аккорды,
 То, къ Ольгѣ взоры усупремивъ,
 Шепшалъ: не правда ль? я счаспливъ.
 Но поздно; время ѣхашъ. Сжалось
 Въ немъ сердце полное шоской;
 Прощаясь съ дѣвой молодой,
 Оно какъ будшо разрывалось.
 Она глядишь ему въ лицо.
 «Чшо съ вами?» — Такъ. — И на крыльцо.

XX.

Домой пріѣхавъ, пистолешы
 Онъ осмопръѣлъ, пошомъ вложилъ
 Опяшь ихъ въ ящикъ, и раздѣшый,
 При свѣчкѣ, Шиллера ошкрьмъ;
 Но мысль одна его обьемлешъ;
 Въ немъ сердце грушное не дремлешъ:

Съ неизъяснимою красой
 Онъ видишь Ольгу предъ собой.
 Владимірь книгу закрываешь,
 Берешь перо; его сшихи,
 Полны любовной чепухи,
 Звучашь и льюшся. Ихъ чишаешь
 Онъ вслухъ, въ лирическомъ жару,
 Какъ Д. пьяный на пиру.

XXI.

Сшихи на случай сохранились;
 Я ихъ имѣю; вошь они:
 «Куда, куда вы удалились,
 Весны моей злапыя дни?
 Чшо день грядущій мнѣ гошовишь?
 Его мой взоръ напрасно ловишь,
 Въ глубокой мглѣ шаишся онъ.
 Нышь нужды; правъ судьбы законъ.

Паду ли я, стрѣлой пронзенный,
 Иль мимо пролетишь она,
 Все благо: бдѣнія и сна
 Приходишь часъ опредѣленный;
 Благословень и день заботъ,
 Благословень и шмы приходи!

XXII.

«Блеснешь заупра лучъ денницы
 И заиграешъ яркій день;
 А я — бышь можешъ, я гробницы
 Сойду въ шайншвенную сѣнь,
 И памяшь юнаго поэта
 Поглошишь медленная Леша,
 Забудешъ міръ меня; но шы
 Придешъ ли, дѣва красошы,
 Слезу пролишь надъ ранней урной
 И думашъ: онъ меня любиль,

Онъ мнѣ единой посвящилъ
 Разсвѣтъ печальный жизни бурной!...
 Сердечный другъ, желанный другъ,
 Приди, приди: я швой супругъ!...»

XXIII.

Такъ онъ писалъ *темно и вло*
 (Что романшизмомъ мы зовемъ,
 Хошь романшизма шушь ни мало
 Не вижу я; да что намъ въ шомъ?)
 И наконецъ передъ зарёю,
 Склонясь успалой головою,
 На модномъ словѣ *идеаль*
 Тихонько Ленскій задремаль;
 Но шолько соннымъ обаянемъ
 Онъ позабылся, ужъ сосѣдъ
 Въ безмолвный входилъ кабинетъ
 И будилъ Ленскаго воззваньемъ:

« Пора вспавашь: седьмой ужь чась.

« Онѣгинь вѣрно ждешь ужь насъ. »

XXIV.

Но ошибался онъ: Евгений

Спалъ въ эшо время мершвымъ сномъ.

Уже рѣдьюшь ночи шѣни

И встрѣченъ Весперь пѣшухомъ ;

Онѣгинь спишь себѣ глубоко.

Ужъ солнце кашипся высоко

И перелешная мяшель

Блеспишь и вѣшся; но поспель

Еще Евгений не покинулъ,

Еще надъ нимъ лепашь сонъ.

Вошь наконецъ проснулся онъ

И полы завѣса раздвинулъ ;

Глядишь — и видишь, что пора

Давно ужъ вѣхашь со двора.

XXV.

Онъ поскорѣй звонить. Вбѣгаешъ
 Къ нему слуга Французъ Гильо,
 Халашъ и шуфли предлагаешъ
 И подаешъ ему бѣльѣ.
 Спѣшишь Онѣгинъ одѣваться,
 Слугѣ велишь пригосовляться
 Съ нимъ вмѣстѣ ѣхашъ и съ собой
 Взяшь шакже ящикъ боевой.
 Гошovy санки бѣговыe.
 Онъ сѣлъ, на мѣльницу лешипъ.
 Примчались. Онъ слугѣ велишь
Лепажу сшволы роковыe
 Несши за нимъ, а лошадямъ
 Опѣхашъ въ поле къ двумъ дубкамъ.

XXVI.

Опершись на площадку, Ленскій
 Давно нешерпѣливо ждалъ;

Межь шѣмъ, механикъ деревенскій,
Зарѣцкій жорновъ осуждалъ.

Идешь Онягинь съ извиненьемъ.

« Но гдѣ же, молвилъ съ изумленьемъ

Зарѣцкій, гдѣ вашъ секундантъ? »

Въ дуэляхъ классикъ и педантъ,

Любилъ мешоду онъ изъ чувства,

И челоука разшянушь

Онъ позволялъ — не какъ нибудь,

Но въ строгихъ правилахъ искусства,

По всѣмъ преданьямъ старины

(Что похвалишь мы въ немъ должны).

XXVII.

« Мой секундантъ? сказалъ Евгенийъ,

Вотъ онъ: мой другъ, *monsieur Guillot*.

Я не предвижу возраженій

На представленіе моё:

Хошь человекъ онъ неизвѣстный,
 Но ужь конечно малый честный. »
 Зарѣцкій губу закусилъ.
 Онѣгинь Ленскаго спросилъ :
 Чшо жь, начинашь? — Начнемъ, пожалуй,
 Сказалъ Владиміръ. И пошли
 За мѣльницу. Пока вдали
 Зарѣцкій нашъ и *гестный малой*
 Вступили въ важный договоръ,
 Враги спояшъ, пошуя взоръ.

XXVIII.

Враги! Давно ли другъ ошъ друга
 Ихъ жажда крови ошвела?
 Давно ль они часы досуга,
 Трапезу, мысли и дѣла
 Дѣлили дружно? Нынѣ злобно,
 Врагамъ наслѣдшвеннымъ подобно,

Какъ въ спрашномъ непоняшномъ снѣ,
 Они другъ другу въ шшинѣ
 Гошовашь гибель хладнокровно...
 Не засмѣяшься ль имъ, пока
 Не обагрилась ихъ рука,
 Не разойшишься ль любововно?...
 Но дико свѣшская вражда
 Боишся ложнаго спыда.

XXIX.

Вошь писполешы ужъ блеснули.
 Гремись о шомполь молошокъ.
 Въ граненый шволь уходяшь пули
 И щелкнуль въ первый разъ куроць.
 Вошь порохъ спруйкой сѣровашой
 На полку сыплешся. Зубчатый,
 Надежно ввинченный кремень
 Взведень еще. За ближній пень

Спановишся Гильо смущенный.
 Плащи бросають два врага.
 Зарѣцкій шридцашь два шага
 Опмѣрять съ шочносьью опмѣнной,
 Друзей развелъ по крайній слѣдъ,
 И каждый взялъ свой пистолець.

XXX.

« Теперь сходишесь. »

Хладнокровно,
 Еще не цѣля, два врага
 Походной швердой, шихо, ровно
 Чешыре перешли шага,
 Чешыре смершныя ступени.
 Свой пистолець тогда Евгений,
 Не преставаая настулашь,
 Сталь первый шихо подымашь.
 Вошь пяшь шаговъ еще ступили,
 И Ленскій, жмурия лѣвый глазъ,

Спаль также цѣлишь — но какъ разъ
 Онѣгинь выстрѣлиль... Пробили
 Часы урочные: поэшъ
 Роняешь, молча, пистолець,

XXXI.

На грудь кладешь пихонько руку
 И падаешь. Туманный взоръ
 Изображаетъ смершь, не муку.
 Такъ медленно по скапу горъ,
 На солнць искрами блиспя,
 Спадаешь глыба снѣговая.
 Мгновеннымъ холодомъ облишь,
 Онѣгинь къ юношѣ спѣшишь,
 Глядишь, зовешь его... напрасно:
 Его ужъ нѣшь. Младой пѣвецъ
 Нашель безвременной конецъ.
 Дохнула буря, цвѣшь прекрасной

Увяль на ушренней зарѣ,
 Пошухъ огонь на алшарѣ!...

XXXII.

Недвижимъ онъ лежалъ, и спранень
 Быль помный миръ его чела.
 Подъ грудь онъ былъ навывлешъ ранень;
 Дымясь изъ раны кровь шекла.
 Тому назадъ одно мгновенье
 Въ семь сердець билось вдохновенье,
 Вражда, надежда и любовь,
 Играла жизнь, кипѣла кровь:
 Теперь, какъ въ домъ опустѣломъ,
 Все въ немъ и шихо и шемно;
 Замолкло навсегда оно.
 Закрышы спавни, окны мѣломъ
 Забѣлены. Хозяйки нѣшь.
 А гдѣ, Богъ вѣсшь. Пропаль и слѣдь.

XXXIII.

Пріятно дерзкой эпиграммой
 Взбѣсишь оплошнаго врага ;
 Пріятно зрѣшь, какъ онъ , упрямо
 Склонивъ бодливые рога ,
 Невольно въ зеркало глядишья
 И узнавашь себя спыдишья ;
 Пріятный, если онъ , друзья ,
 Завоешь сдуру: эшо я !
 Еще пріятнѣе въ молчаньи
 Ему гошовишь честный гробъ
 И шихо цѣлишь въ блѣдный лобъ
 На благородномъ разспояньи ;
 Но опослашь его къ опцамъ
 Едва ль пріятно будешь вамъ .

XXXIV.

Чшо жь , если вашимъ писполешомъ
 Сражень пріятель молодой ,

Нескромнымъ взглядомъ, иль опвѣшомъ,
Или бездѣлицей иной
Вась оскорбившій за бушылкой,
Иль даже самъ въ досадѣ пылкой
Вась гордо вызвавшій на бой,
Скажите: вашею душой
Какое чувство овладеетъ,
Когда недвижимъ, на землѣ
Предъ вами съ смершью на челѣ,
Онъ поспешенно коснется,
Когда онъ глухъ и молчаливъ
На вашъ опчаянный призывъ?

XXXV.

Въ шокѣ сердечныхъ угрѣзений,
Рукою списнувъ пистолець,
Глядишь на Ленскаго Евгеній.
Ну, чтожь? убить: рѣшилъ сосѣдь.

Убишь!.. Симъ спрашнымъ восклицаньемъ
 Сражень, Онѣгинъ съ содроганьемъ
 Опходишь и людей зовешь.
 Зарѣцкій бережно кладешь
 На сани шрупъ оледенѣлый;
 Домой везешь онъ спрашный кладъ.
 Почуя мершваго, храпяшь
 И бьюсья кони, пѣной бѣлой
 Спальныя мочашъ удила,
 И полешѣми, какъ спрѣла.

XXXVI.

Друзья мои, вамъ жаль поэта:
 Во цвѣшѣ радоспныхъ надеждъ,
 Ихъ не свершивъ еще для свѣта,
 Чуть изъ младенческихъ одеждъ,
 Увяль! Гдѣ жаркое волненье,
 Гдѣ благородное стремленье

И чувствъ и мыслей молодыхъ,
 Высокихъ, нѣжныхъ, удалыхъ?
 Гдѣ бурныя любви желанья,
 И жажда знаній и пруда,
 И страхъ порока и стыда,
 И вы, завѣшныя мечшанья,
 Вы, признакъ жизни неземной,
 Вы, сны поэзіи свяшой!

XXXVII.

Бышь можешь, онъ для блага міра,
 Иль хошь для славы былъ рождень;
 Его умолкнувшая міра
 Гремучій, непрерывный звонъ
 Въ вѣкахъ подняшь могла. Поэша,
 Бышь можешь, на ступеняхъ свѣта
 Ждала высокая ступень.
 Его спрادلъческая стѣна,

Бышь можешь, унесла съ собою
 Свяшую шайну, и для насъ
 Погибъ живошворящій гласъ,
 И за могильною чершою
 Къ ней не домчишься гимнь времянь,
 Благословенія племень.

XXXVIII.

XXXIX.

А можешь бышь и шо: поэпа
 Обыкновенный ждалъ удѣль.
 Прошли бы юношества лѣта:
 Въ немъ пыль души бы охладѣль.
 Во многомъ онъ бы измѣнился,
 Разспался бь съ музами, женился,
 Въ деревнѣ счастливъ и рогашь
 Носиль бы спеганый халашь;

Узналь бы жизнь на самомъ дѣлѣ,
 Подагру бѣ въ сорокъ лѣтъ имѣлъ,
 Пилъ, ѣлъ, скучалъ, полспѣлъ, хирѣлъ,
 И наконецъ въ своей постелѣ
 Скончался бѣ посреди дѣшей,
 Плаксивыхъ бабъ и лѣкарей.

XL.

Но чшобы ни было, чишашель,
 Увы, любовникъ молодой,
 Поэшь, задумчивый мечшашель,
 Убишь пріятельскою рукой!
 Ешь мѣспо: вѣво ошь селеня,
 Гдѣ жилъ пишомецъ вдохновеня,
 Двѣ сосны корнями срослись;
 Подъ ними спруйки извились
 Ручья сосѣдственной долины.
 Тамъ пахарь любитъ ошдыхашь,

И жницы въ волны погружашь
 Приходяшъ звонкіе кувшины;
 Тамъ у ручья въ пшени густой
 Поспавлень памяшникъ просхой.

XLI.

Подъ нимъ (какъ начинаешъ капашь
 Весенній дождь на злакъ полей)
 Пасхухъ, плеша свой песпрый лапотъ,
 Поешь про Волжскихъ рыбаей;
 И горожанка молодая,
 Въ деревнѣ льшо провожда,
 Когда спремглавъ верхомъ она
 Несешся по полямъ одна,
 Коня предъ нимъ оспановляешъ,
 Ремянный поводъ напянувъ,
 И, флеръ ошь шляпы отвернувъ,
 Глазами бѣглыми чишаешъ

Просшую надпись — и слеза
Туманишь нѣжные глаза.

XLII.

И шагомъ ѣдешь въ чиспомъ полѣ,
Въ мечпанье погрузясь, она;
Душа въ ней долго поневолю
Судьбою Ленскаго полна;
И мыслишь: « что-то съ Ольгой спало?
Въ ней сердце долго ли спрадало,
Иль скоро слезъ прошла пора?
И гдѣ шеперь ея сеспра?
И гдѣ жъ бѣглець людей и свѣша,
Красавиць модныхъ модный врагъ,
Гдѣ эшошь пасмурный чудаць,
Убійца юнаго поэша? »
Современемъ опчешь я вамъ
Подробно обо всемъ опдамъ,

XLIII.

Но не шеперь. Хошь я сердечно
 Люблю героя моего,
 Хошь возвращусь къ нему конечно,
 Но мнѣ шеперь не до него.
 Льша къ суровой прозѣ клоняшь,
 Льша шалуню риему гоняшь,
 И я — со вздохомъ признаюсь —
 За ней лѣнивѣй волочусь.
 Перу шаринной нѣшь охоты
 Марашь лешучіе лисшы;
 Другія, хладныя мечшы,
 Другія, строгія забошы
 И въ шумѣ свѣша и въ пиши
 Тревожашь сонъ моей души.

XLIV.

Позналь я гласъ иныхъ желаній,
 Позналь я новую печаль;

Для первыхъ нѣтъ мнѣ упованій,
 А шарой мнѣ печали жаль.
 Мечшы, мечшы! гдѣ ваша сладость?
 Гдѣ, вѣчная вамъ риѣма, младость?
 Уже ль и вправду наконецъ
 Увяль, увяль ея вѣнецъ?
 Уже ль и впрямъ, и въ самомъ дѣлѣ,
 Безъ элегическихъ зашѣй,
 Весна моихъ промчалась дней
 (Что я шуша швердилъ досель)?
 И ей уже ль возвраша нѣтъ?
 Уже ль мнѣ скоро шридцашъ лѣтъ?

XLV.

Такъ, полдень мой наспалъ, и нужно
 Мнѣ въ шомъ сознашья, вижу я,
 Но шакъ и бышь: просшимся дружно,
 О юношъ легкая моя!

Благодарю за наслажденья,
За грусть, за милья мученья,
За шумъ, за бури, за пиры,
За всё, за всё швои дары;
Благодарю тебя. Тобою,
Среди шревогъ и въ пишинѣ,
Я наслаждался... и вполнѣ;
Довольно! Съ ясною душою
Пускаюсь нынѣ въ новый путь
Опъ жизни прошлой отдохнушь.

XLVI.

Дай оглянусь. Просшите жъ, сѣни,
Гдѣ дни мои шекли въ глуши,
Исполненны спрасшей и лѣни
И сновъ задумчивой души.
А пы, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье,

Дремошу сердца оживляй,
 Въ мой уголь чаще прилешай,
 Не дай остышь душѣ поэта,
 Ожеспочисься, очерсшвъшь,
 И наконецъ окаменѣшь
 Въ мершвящемъ упоеньи свѣша,
 Среди бездушныхъ гордецовъ,
 Среди блиспашельныхъ глупцовъ,

XLVII.

Среди лукавыхъ, малодушныхъ,
 Шальныхъ, балованныхъ дѣшей,
 Злодѣевъ и смѣшныхъ и скучныхъ,
 Тупыхъ, привязчивыхъ судей,
 Среди кокешокъ богомольныхъ,
 Среди холопьевъ добровольныхъ,
 Среди всеневныхъ, модныхъ сценъ
 Учшивыхъ, ласковыхъ измѣнъ,

Среди холодных приговоровъ
 Жестокосердой суешы,
 Среди досадной пустошы
 Расчетовъ, думъ и разговоровъ,
 Въ семь омушъ, гдѣ съ вами я
 Купаюсь, милыя друзья.

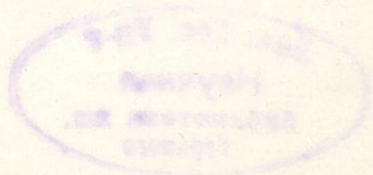
ПРИМЪЧАНІЕ.

Въ продолженіе изданія I Части Евгенія Онегина вкра-
 лось въ нее нѣсколько значительныхъ ошибокъ.
 Важнѣйшія изъ нихъ помѣщаются здѣсь. Поправки
 означены подъ ними *en italique*.

	Гл. Стран. Стихъ		
забава;			
<i>забава</i> ,	I	XI.	1.
присѣшь,			
<i>присѣств.</i>	—	—	2.
И разгласишь			
<i>Ужъ разгласитъ</i>	—	—	3.
Я содрагаюсь			
<i>Я такъ и вспыхну</i>	—	XVIII.	2.
сѣшу			
<i>сѣту?</i>	—	XIX.	4.
(Я всѣмъ чужой), душа			
<i>Я всѣмъ гужой. Душа</i>	—	—	5.
вевать			
<i>зввать</i>	—	16.	1.

Гл. Спран. Спихъ.

И нынче иногда во снѣ			
<i>Я все ихъ помню, и во снѣ</i>	I.	25.	11.
смущающъ			
<i>тревожатъ</i>	—	—	12.
величавы			
<i>непоротны</i>	—	33.	9.
непорочны			
<i>величавы</i>	—	—	10.
число сохраняющъ нравы			
<i>осмотрительны, такъ точны</i>	—	—	12.
(XLVI строфа должна предшествовать XLV.)			
дань,			
<i>дань:</i>	—	49.	9.
О рус!			
<i>О рус!</i>			
<i>О Русь!</i>	II.	6.	
ключницей			
<i>ключницей</i>	—	9.	7.
воображалъ			
<i>подозрвалъ</i>	—	13.	10.
Еще былъ менѣе			
<i>гораздо меньше былъ</i>	—	17.	2.
Какъ Проспакова			
<i>единовластно</i>	—	35.	1.
спѣвшишь			
<i>тѣснитъ</i>	—	40.	9.
Зимой			
<i>домой</i>	III.	12.	2.
Какъ у			
<i>того въ того въ</i>	—	13.	7.
дышало			
<i>дремало</i>	—	26.	13.
И			
<i>вы</i>	—	30.	6.
Сосѣду			
<i>къ сосѣду</i>	—	43.	6.

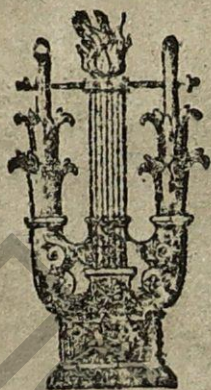
[75 p]

легкій			
долгій	IV.	29.	13.
вѣрно			
важно	—	31.	9.
оспро-ль			
остро	—	—	10.
поднесетъ			
подаетъ	—	32.	4.
Или			
И все	—	33.	12.
Завсегда			
Завсегда,	—	45	9.
Мужей			
Мужевъ	V.	56.	16.
Жеманный ль			
Жеманный	—	57.	9.
И силъ			
И силъ уже	—	65.	12.
ужасный			
и крикъ и	—	66.	6.
Визгъ, хохотъ, свистъ и хлопъ			
Лай, хохотъ, пѣвье, свистъ и хлопъ	—	67.	15.
засмѣлся			
засмѣется	—	68.	9.
Хвосты, хохлашыя			
Хвосты хохлатые,	—	69.	14.
шайный			
страстный	—	79.	4.
проворный			
проворно	—	91.	5.
Какъ разъ рѣшатъ			
Вдругъ разрѣшатъ	—	92.	14.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

1913

Продается въ С. Петербургѣ
во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, по
пяти рублей за экземпляръ.
За пересылку въ другіе города
прилагается 80 копѣекъ.